

МНОГОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

© 2010 г. Д. М. Савинов

В статье показаны возможности многофакторного анализа при исследовании различных систем южнорусского вокализма. На примере суджанского типа диссимильативного яканья показано, что применение этой методики способствует выявлению и интерпретации специфических черт системы предударного вокализма, а также позволяет в полной мере отразить диахронический аспект исследования.

This paper explains the benefits of using the multi-factor analysis when studying different types of Southern Russian vocalism. Focusing on the Sudzhan dissimilatory "jakan'e" (type of vowel reduction in Russian, named after Sudzha – a town in Kursk Oblast), the paper shows that the presented method is instrumental in revealing and interpreting the specifics of the pretonic vocalism and helps taking into account the diachronic aspect of the matter.

I. Одной из важнейших и до конца не решенных проблем изучения южнорусских говоров является вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма первого предударного слога. В говорах представлено множество разновидностей аканья / яканья, отличающихся друг от друга типологически, то есть общей системой зависимостей и противопоставлений. Большинство систем вокализма с диссимильативной основой (прежде всего различные типы диссимильативного, ассимильативно-диссимильативного, умеренно-диссимильативного, диссимильативно-умеренного аканья / яканья) имеет устойчивую сочетаемость с определенными системами ударного вокализма. И хотя связь между ними зачастую формальна, то есть отсутствует прямая зависимость ударных и предударных гласных, пяти-, шести- или семифонемные системы ударного вокализма всегда сосуществуют с определенными моделями предударного вокализма, что дает необходимый материал для исторических реконструкций.

Типологическое разнообразие моделей предударного вокализма как после мягких, так и после твердых согласных, а также сама возможность функционирования многих из этих типов обусловлены не только внешней контекстной зависимостью, но и внутренними причинами – качеством самих предударных гласных. Гласный первого предударного слога после мягких согласных может реализоваться большим количеством разных

звуков в зависимости от гласного под ударением. Эти звуки вслед за Н.Н. Дурново [1] обычно принято разделять на звукотипы [а] – не-[а]. Так, Р.И. Аванесов (без ссылки на Н.Н. Дурново) писал, что «“не-а” может звучать как [и] или [е]», а также “в целой гамме звуков между [е] и [и] (...), например, [е], [е^н], [и^с], [и]” [2, с. 154], то есть гласным «“не-а” может быть любой звук переднего ряда ненижнего подъема» [3, с. 5].

Иначе обобщает эти гласные Л.Л. Касаткин, который отмечает, что в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема, могут выступать звуки в диапазоне от [е] до [а], и, таким образом, для большинства русских говоров правильнее было бы говорить о функциональном противопоставлении в первом предударном слоге гласных [и] и не-[и] [4, с. 148]. По-видимому, система противопоставления [а] – не-[а] является первичной и сохраняется, например, при архаическом диссимильативном яканье задонской разновидности, но в большинстве южнорусских говоров она в дальнейшем трансформируется в [и] – не-[и].

Таким образом, корреляция звукотипов [а] – не-[а], где [а] противопоставлено [е], сосуществует в южнорусских говорах с системами корреляций [и] – не-[и], где [а] и [е] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только фонемы неверхнего подъема, но и /и/. При этом каждая из этих систем противопоставлений характерна для определенной разновидности вокализма и является его типологической особенностью, ограничивающей возможности дальнейшего развития.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН (проект «Фонетические “отцы” и “дети” начала XXI века. Стабильность и изменчивость произносительных норм»).

В связи с изучением генезиса и синхронного состояния различных систем предупредного вокализма наиболее значимыми оказываются два основных этапа исследования, затрагивающих синхронический и диахронический аспекты. Первый связан с определением характера отношений между существующими моделями вокализма, то есть с их типологической идентификацией. С одной стороны, ученый всегда имеет дело с частными диалектными системами, изолированными и независимыми друг от друга, а с другой – они образуют, несмотря на свою изолированность, единый языковой массив. Характер связи различных вокалических систем в рамках этого целостного комплекса обычно свидетельствует не столько об общности инноваций, сколько о единой диссимильной основе, а уникальный набор элементов каждой системы позволяет выявить типологические закономерности ее функционирования. Результаты этих исследований позволяют выделить несколько междиалектных инвариантов, объединяющих различные системы, а также определить их дистрибуцию.

Разработка типологии систем предупредного вокализма закономерно приводит ко второму этапу исследований, объектом которого становится диахроническая интерпретация существующих моделей предупредного вокализма, поиск их основных векторов развития. Особую актуальность он приобретает в связи с историей формирования типов предупредного вокализма в “первично акающих” говорах, к которым Р.И. Аванесов относил курско-орловские, рязанские (восточные) и тульские¹. В этих говорах выявляется общая диалектная основа, а различия между группами “носят по большей части вторичный, позднейший характер” [6, с. 40]. Результаты ретроспективного анализа позволяют выявить основные факторы или комплекс факторов, обусловивших формирование той или иной модели аканья / яканья в этих говорах, свести все разнообразие типов предупредного вокализма к одной-двум моделям, отражающим состояние исходной системы вокализма.

Обобщение данных различных диалектных систем предупредного вокализма приводит к мысли, что существуют универсальные факторы их изменения и развития, которые можно разделить на три основных типа.

1. Фонетические факторы. Основным фонетическим фактором, обуславливающим развитие систем аканья и яканья, является регрессивная ассимиляция предупредных гласных ударным гласным,

связанная с универсальной тенденцией к облегчению произношения. Наиболее сильное влияние на общую структуру предупредного вокализма ассимилятивные процессы оказывают на системы с противопоставлением в первом предупредном слоге [a] – не-[a], преимущественно в говорах с архаическим аканьем и яканьем задонской разновидности [7]. Так, данные внутренней реконструкции свидетельствуют о том, что новосёлковское ассимилятивно-диссимильное яканье сложилось в результате развития ассимилятивных процессов в системе архаического яканья с противопоставлением в первом предупредном слоге [e] || [a] [8].

Разумеется, ассимилятивные процессы оказывают влияние и на многие другие системы предупредного вокализма, однако их действие ограничено одним условием: наличием в первом предупредном слоге корреляции [и] – не-[и], которая определяется фонологическими и морфологическими закономерностями. В подобных диссимильных системах вокализма появление форм с [и] перед /и/ или [a] перед /а/ всегда несвободно от грамматических позиций, а также связано с произносительными особенностями отдельных лексем. Так, во многих говорах с различными типами диссимильного яканья и умеренным яканьем числительные *четыре*, *четыреста* отмечаются с гласным [и] в первом предупредном слоге: ч[и]ты́ре, ч[и]ты́реста [4, с. 54, 67, 89 и др.]. Появление гласного [и] на месте закономерного [a], возможно, обусловлено ассимиляцией ударному [ы], но это не универсальное правило. Другие слова, а также формы слов, удовлетворяющие тем же позиционным условиям, продолжают последовательно произноситься с гласным [a]: [йа]збы́к, д[’а]ды́, с[’а]ды́е, св[’а]ты́х и т.д.

Точно так же появление [a] перед ударным [a] при щигровском и суджанском типах диссимильного яканья или диссимильно-умеренном яканье всегда характеризует отдельные формы, например, глагольные формы прошедшего времени или некоторые формы существительных и прилагательных, но не становится правилом позиционного чередования: ун[’а]сла́, вз[’а]ла́, с[’а]ла́, д[’а]ка́, альн[’а]на́я, но с[’и]стра́, в[’и]рста́, в дер[’и]вня́х, по ст[’и]на́м, перев[’и]за́ть.

2. Фонологические факторы. Основным фонологическим фактором, влияющим на произношение гласных в первом предупредном слоге, оказывается воздействие мягкости следующего за ним согласного². Условно тенденцию к произно-

¹ Необходимо также добавить межзональные елецкие и оскольские говоры, совмещающие черты Курско-Орловской и Восточной групп; см. [5, с. 138].

² Любой тип позиционно обусловленного диссимильного яканья, при котором появление того или иного звукотипа зависит непосредственно от ударного гласного, также

шению [и] перед мягкими согласными можно назвать **тенденцией к “умеренности”**, результаты этого процесса проявляются в системах умеренного, диссимильтивно-умеренного и суджанского диссимильтивного яканья. Очевидно, что на синхронном уровне произношение [и] перед мягким согласным – фонологическая закономерность. Это подтверждает, например, появление звука [и] перед сочетанием согласных с последним мягким: *т[и'мн']эть*, *з[и'мл']эй*, *п[икл']и*, *кр[ипл']юсь* – дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно. Кроме того, в системах с умеренным яканьем отвердевшие *ш* и *ж* могут воздействовать на предударные гласные то как мягкие, то как твердые согласные (фонетически эти шипящие обычно твердые): *д[и]жой* и *д[а]жой*; *м[и]шат* и *м[а]шат*, *л[и]жу* и *л[а]жу*. Шипящие не противопоставлены по признаку твердость / мягкость, поэтому фонетическая твердость оказывается для /ш/ и /ж/ фонологически несущественной. Однако фонологическое содержание этих фонем проявляется в контексте, то есть система предударного вокализма сама выбирает стратегию употребления звукотипа: либо сохраняет мягкость *ш* и *ж*, реагируя на них как на мягкие фонемы, либо реализует закономерности, характерные для позиции перед твердыми согласными. Имеются также и другие доводы в пользу того, что чередование гласных при различных типах вокализма, реализующих тенденцию к умеренности, не обусловлено фонетикой; см. [9, с. 461–463].

Важно отметить, что “тенденция к умеренности” затрагивает только позицию перед мягкими согласными; перед твердыми согласными действуют другие закономерности, а на выбор предударного гласного влияют другие факторы. Поэтому употребление определенного звукотипа может быть связано с положением перед твердым согласным только внешне и только в том случае, если он противопоставлен звукотипу, появление которого обусловлено мягкостью следующего согласного (как при умеренном яканье). Эта фонологическая модель зависимости от твердости / мягкости согласного наиболее проста и потому достаточно продуктивна в южнорусских говорах. Можно отметить, что говоры с умеренным, диссимильтивно-умеренным и суджанским диссимильтивным яканьем широко распространены на севере Белгородской, востоке Калужской, юге Московской областей, в Курской, Орловской и Тульской областях.

можно считать фонологически закономерным, то есть “в полной мере относящимся к фонологическому уровню” [2, с. 165]. При этом сама диссимильция не может рассматриваться как фактор, оказывающий влияние на модификацию систем предударного вокализма в южнорусских говорах.

3. Морфонологические факторы. К морфонологическим факторам, оказывающим воздействие на различные системы предударного вокализма, можно отнести **грамматические** (особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов) и **лексические** (специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы). Этот фактор играет важную роль при формировании щигровского типа диссимильтивного яканья, кроме того, тенденции к выравниванию звукового оформления парадигмы или к закреплению гласного основы слова действуют при обоянской и суджанской разновидностях диссимильтивного яканья, а также при новосёлковском ассимильтивно-диссимильтивном яканье. По выражению Р.И. Аванесова, в этом случае “тип предударного вокализма (...) характеризует уже не определенное звено фонологической системы, как таковой, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово” [2, с. 166].

Особенностью всех этих систем является наличие в говоре противопоставления [и] – не-[и], которое способствует сохранению гласного [и] в первом предударном слоге. Звук [е] не характерен для этой позиции, а при появлении может быть классифицирован только как один из вариантов звукотипа не-[и]. По сути звукотип [и] совпадает с репрезентантами фонемы /и/, и в первом предударном слоге складывается противопоставление фонем с зависимостью лексической и морфологической, когда произношение [а] или [и] характеризует определенные слова и грамматические классы слов.

Морфонологические факторы влияют на выбор гласного перед ударным *о* из *о и *ь. Так, при щигровском и суджанском типах диссимильтивного яканья звук [а] распространяется в этой позиции благодаря морфологическому обобщению основ слов с ударением на флексии, при этом в других формах, а также в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться: например, *сл[а]пой* (м.р.), *н[а]мой* (м.р.), *зн[а]здом*, *р[а]дном*, *с[а]рном*, но *л[и]сок*, *м[и]док*, *в[и]рхом*, *св[и]кровь*. Гласный [а] может произноситься также и перед *о* (из *е и *ь), что отмечается не только при щигровском или суджанском типах диссимильтивного яканья, но возможно и при обоянском диссимильтивном яканье и новосёлковском ассимильтивно-диссимильтивном яканье. Распространение [а] происходит только перед таким гласным [о], который находится в некоторых суффиксах и флексиях и ассоциируется с исконной фонемой /о/: *штаб[а]лёв*, *з[а]млэй*, *кис[а]лёв*, но *б[и]рёза*, *з[и]лёный*, *в[и]дёрко* [2, с. 218].

Очевидно, что гласный [и] наиболее последовательно сохраняется перед 'о, находящимся в корне слова, и становится в этой позиции вариантом фонемы /и/. По этой же причине при новосёлковском ассимилятивно-диссимилятивном яканье гласный [и] сохраняется в отдельных примерах и перед ударным 'а, находящимся в корне слова: р[’и]б[’я]та, од[’и]яло, пятьд[’и]сят.

Анализ предупредительного вокализма свидетельствует о том, что в “первично акающих” говорах нет простых, линейных систем, образование и модификация которых были бы связаны только с действием одного из перечисленных факторов. В истории их развития обычно действовало несколько тенденций, которые взаимодействовали друг с другом, пересекаясь в некоторых элементах системы. Объяснение конкретного типа предупредительного вокализма исключительно с позиций действия какого-то одного фактора развития не будет учитывать всей специфики системы, не сможет выстроить все ее элементы в стройную картину, не отразит в должной мере диахронический аспект.

Необходим многофакторный анализ синхронных систем вокализма, который позволит учесть не только ведущую тенденцию развития, но всю совокупность взаимосвязанных элементов, отдельных отклонений, свидетельствующих о действии других тенденций, уже потерявших свою продуктивность. Ниже приведен пример подобного анализа системы суджанского диссимилятивного яканья. Выбор объекта не случаен. С одной стороны, этот тип вокализма не часто становился объектом описания, в отличие от архаической и щигровской разновидностей (см. [10]). С другой, – характерной чертой этого типа вокализма является тенденция к “умеренности”, не раз привлекавшая к себе внимание исследователей, однако возникновение ее механизмов до сих пор является дискуссионным вопросом.

II. Как известно, суджанское диссимилятивное яканье широко распространено в южнорусских говорах и является одной из характерных особенностей курско-орловской диалектной группы [11, карта 8; 5, с. 130]. Стандартная схема суджанского яканья предполагает произношение [и] перед е (из *ѣ и *е), 'о и а, в остальных позициях употребляется гласный [а]: с[’и]стрé, в с[’и]лé, д[’и]тéй, б[’и]рэза, с[’и]стрá, но л[’а]скí, с[’а]стрý, с[’а]стрóй, с[’а]лó, с[’а]лóm. Однако эта хрестоматийная модель практически никогда не проводится последовательно.

Данные говоров с суджанским диссимилятивным яканьем свидетельствуют о том, что этот тип вокализма развился на основе обоянского архаи-

ческого яканья в результате утраты системных оснований для его существования, на что указывает непоследовательность произношения [а] в позиции перед ударным о из *о и *ь [3, с. 20–22]. В говорах представлено несколько структурных разновидностей, которые отличаются друг от друга количеством и типом исключений. Анализ разновидностей суджанского яканья, варьирующих в территориальном отношении, свидетельствует о том, что его становление происходило благодаря действию двух основных факторов. Во-первых, действовала тенденция к выравниванию звукового оформления основ, во-вторых, – тенденция к произношению звукотипа [и] перед мягкими согласными, то есть его формирование происходило под действием фонологических и морфонологических факторов.

Возникает вопрос, какая из двух тенденций возникла раньше? Данные южнорусских говоров свидетельствуют о том, что даже архаическим типам диссимилятивного вокализма свойственна грамматическая аналогия. Именно ее действие объясняет появление фонемы /ω/ после мягких согласных в некоторых суффиксах и флексиях – под влиянием твердой разновидности парадигмы [12, с. 54; 13, с. 11]. Перед этим “новым” ω³, так же как и перед исконным, в первом предупредительном слоге произносится звук [а]: б[’а]л[’j]ó и нл[’а]ч[’j]ó (как с[’а]л[’j]ó), з[’а]мл[’j]ý и с[’а]м[’j]ý (как в[’а]сн[’j]ý), кис[’а]л[’j]в (как н[’а]тп[’j]в), при этом различие предупредительных гласных основывается на фонетической зависимости от подъема ударных гласных (наряду с наметавшейся зависимостью от типа парадигмы). Соответственно, после утраты фонемы /ω/ под влиянием твердой разновидности парадигмы произношение в этой позиции гласного [а] обычно сохраняется, закрепляясь за определенными грамматическими формами.

Как правило, после утраты семифонемного вокализма начинается общий отход системы от обоянского яканья, который объясняется актуализацией действия морфонологических факторов. Сохранение чередования [и] || [а] перед гласным [о], в котором совпали реализации фонем /ω/ и /о/, в пределах одной парадигмы (с[’а]лó, но с[’и]лóm) является избыточным средством различения форм словоизменения, и потому начинает устраняться системой.

Происходящие изменения не затрагивают диссимилятивную основу говора, они лишь способ-

³ В русских говорах известны также рефлексy “нового” ѣ, появившегося на месте исконных *ь и *е в некоторых корнях, суффиксах и окончаниях. Подробнее об условиях появления “нового” ѣ см. [14, с. 303].

ствуют перераспределению звукотипов перед ударными гласными среднего подъема. В разных говорах процесс этот проходит с разной степенью интенсивности: в говорах отмечается неодинаковое количество слов и форм, имеющих звуки [и] и [а] в позиции перед ударным *о*. Прежде всего распространение [а] перед *о* из *о и *ь происходит в формах:

а) И. п. прилагательных муж. р.: *с[’а]дóй, св[’а]тóй*;

б) Тв. п. существительных ср. р.: *с[’а]лóm, в[’а]дрóm*.

Звук [и] в этой позиции наиболее последовательно сохраняется в формах:

а) И. п. существительных муж. р. с финалью *-ок*: *л[’и]сók, н[’и]сók*;

б) Тв. п. этих существительных: *л[’и]скóm, н[’и]скóm*;

в) Р. п. местоимений (типа *его*): *[йи]гó, неч[’и]гó, у н[’и]гó*;

г) наречий, образованных способом адвербиализации от Тв. п. существительных муж. р.: *б[’и]гóm, в[’и]рхóm*;

д) слов различных частей речи с ударением на основе: *св[’и]крóвь, св[’и]кóльный*.

Возникающее нерегулярное чередование звуков [и] и [а] перед ударным *о* очень сложно идентифицировать с точки зрения принятой классификации, однако сама нерегулярность, появившаяся в результате утраты прежних закономерностей, является следствием развития исходной системы и однозначно указывает на архаическую диссимильтивную основу говора.

Условно диалектные системы с суджанским диссимильтивным яканьем можно разделить на два основных типа: говоры с “наметившейся переходностью” и говоры с “развитой переходностью”. Говоры первого типа, в которых выравнивание гласных основы еще не стало универсальным правилом, имеют также тенденцию к распространению в некоторых позициях гласного [и] перед ударным *о* из *ω. Этот процесс связан не только с воздействием икающей нормы литературного произношения, но обусловлен логикой изменений самой системы вокализма – в частности, тенденцией к унификации звукового состава основы. В этом аспекте особую значимость приобретает факт наличия / отсутствия двух этимологических *о* (из *ω и из *ь) в парадигме единственного числа.

На произношение различных падежных форм существительных наибольшее влияние оказывают особенности звукового оформления имени-

тельного падежа как самого употребительного и наиболее независимого грамматически. Именно именительный падеж предопределяет закрепление одного из звукотипов ([и] или не-[и]) в формах творительного падежа существительных I и II склонения, и выбор гласного зависит от падежной парадигмы, а также от родовой принадлежности конкретного слова.

Например, при суджанском диссимильтивном яканье с “наметившейся переходностью” формы *с[’и]стрá, в[’и]снá* дают право на существование вариантам *с[’и]стрóй, в[’и]снóй*; формы *с[’а]лó, в[’а]дрó* – вариантам *с[’а]лóm, в[’а]дрóm*, а, например, *л[’и]сók, н[’и]сók* поддерживают сохранение форм *л[’и]скóm* и *н[’и]скóm*. Подобная направленность влияния также связана с низкой частотностью в речи форм творительного падежа. По данным М.Н. Петерсона, описавшего синтаксис говора с. Дорофеева Орехово-Зуевского р-на, падежные конструкции с творительным падежом составляют всего 6% от общего количества падежных конструкций [15, с. 59].

Как логическое завершение этого процесса в парадигмах с преимущественным распространением [а], например, у существительных муж. и ср. р. (кроме существительных с финалью *-ок*), появляются формы типа *с[’а]лá, молодн[’а]кá*, но отсутствуют *с[’а]стрá, в[’а]снá*, что как раз свидетельствует о сильном влиянии грамматики на ассимильтивные процессы.

Другая модель грамматической аналогии действует у прилагательных и местоимений. Имена прилагательные только в форме И.п. муж. р. имеют *о* из *ь, для всех остальных форм как мужской, так и женской разновидностей склонения под ударением характерен *о* из *ω. Поскольку в парадигме преобладают формы с *ω* в окончаниях, а И.п. прилагательных имеет значительно меньшую, чем у существительных, грамматическую независимость, выравнивание гласного основы происходит по модели косвенных падежей: *с[’а]дóй* (как лунь) ← *с[’а]дóго* или у *с[’а]дóй*.

У местоимений в форме Р. п. (типа *его*) при отходе от архаического вокализма предударный [и] обычно сохраняется⁴, то есть обобщения с основой Д. п. не происходит. Видимо, это связано с высокой частотой появления (по выражению С.С. Высотского, “приболтанностью”) формы Р. п. местоимений в речи. Кроме того, наиболее часто употребляемую форму *его* со значением принадлежности можно рассматривать как неиз-

⁴ Подробнее об особенностях произношения форм родительного падежа местоимений типа *его* в южнорусских говорах см. [16, с. 260–269].

меняемое притяжательное местоимение, которое лишь генетически связано с формой Р. п. личного местоимения *он*. В ряде говоров, находящихся на периферии ареала суджанского яканья, продуктивность получает другой процесс: распространение [и] перед *у* в формах типа [йи]м^у.

Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед ударным *о*, характерно для форм словоизменения единственного числа. В том случае, если тенденция к лексико-грамматическому выравниванию получает дальнейшее развитие, гласный [а] распространяется в основе всех парадигм существительных в единственном числе, что связано с общей тенденцией к “выделению форм множественного всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения”, впервые обозначенной В.Н. Сидоровым [17, с. 16]. В своем крайнем выражении эта тенденция представлена в некоторых говорах с щигровским яканьем, где [а] в ряде парадигм существительных распространяется на все формы единственного числа, включая даже некоторые позиции перед ударным [а].

Подобное развитие диссимильтивной системы возможно и в некоторых системах с суджанским яканьем: в говорах с “развитой переходностью”, то есть с активной тенденцией к грамматическому выравниванию, отмечаются не только примеры типа з[’а]мл^{ей} и б[’а]ль^ё (под влиянием твердой разновидности), в[’а]др^а, с[’а]л^а (под влиянием И.п. в[’а]др^о, с[’а]л^о), но даже н[’а]н^{ёк} (после распространения [а] в формах типа л[’а]с^{ок}), а также с[’а]стр^а, з[’а]мл^я⁵ (хотя при этом чаще всего к с[’и]стр^{ам}, но ст[’и]н^{ам}, с цв[’и]т^{ами}), что объясняется унификацией звукового оформления парадигм имен существительных в единственном числе. Дольше всего гласный [и] перед *о* из *о и *ь отмечается в Р. п. местоимений типа *его*, а также у существительных типа н[’и]с^{ок}, где *-ок* не является суффиксом. В словах с фиксированным ударением на основе типа св[’и]кр^{овь} гласный [и], как правило, сохраняется наиболее последовательно: для появления [а] в этой позиции практически нет оснований. Так, С.И. Котков отмечал, что в говорах Орловской обл. “из системы яканья суджанского типа выпадает звучание существительного *свекровь*: *свикр^{овья}*” [18, с. 67].

⁵ С.И. Котков, описавший фонетику и морфологию говоров Орловской области, отмечал, что отклонения типа *бьяль^ё*, *зьям^{ей}*, *пян^{ёк}*, *зьям^я*, *у вяр^ё* характерны для многих говоров с суджанским типом диссимильтивного яканья [18, с. 67–68].

Однако в системах с суджанским диссимильтивным яканьем появляется новый фактор развития – тенденция к произношению [и] перед мягкими согласными, находящимися перед ударными гласными среднего подъема, то есть тенденция к “умеренности”. Прежде всего гласный [и] появляется перед *е* (из *ь): действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ь/ не встречаются в пределах одной парадигмы. В связи с этим закономерности произношения, характерные для позиции перед ударным *е* из *е и *ь, не распространяются на позиции перед ударным *е* из *ь, и наоборот. Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к “умеренности” обуславливают сохранение противопоставления гласных первого предударного слога перед ударным *е* в зависимости от его происхождения при щигровском диссимильтивном яканье (а во все не более поздняя утрата противопоставления /е/ – /ь/).

Быстрое распространение тенденции к фонологической унификации мотивировано ее функциональными особенностями: новая зависимость предударного гласного от мягкости следующего согласного очевидна, она значительно проще сложного процесса идентификации форм и потому легко встраивается в общую систему говора. Развивающаяся тенденция начинает стирать былой параллелизм произношения предударных гласных в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными. В результате ее действия появляются варианты: *пл[’и]ч^о*, *б[’и]ль^ё*, *тр[’и]ль^ё*. Особенно отчетливо на новую зависимость могут указывать произношения типа *б[’и]льм^о* или *с[’и]дьям^о*, где под ударением произносится *о* (из *ω).

В тех говорах с суджанским диссимильтивным яканьем, где процессы грамматической унификации получили широкое распространение, отмечаются отдельные примеры, которые противоречат новой тенденции к произношению [и] перед мягкими согласными, но сохраняют следы былого параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм: *б[’а]ль^ё*, *с[’а]мь^{ей}*. Для этих говоров также характерны формы *в[’а]др^е*, *с[’а]л^е*, которые сохраняются благодаря унификации звукового оформления основы во всей парадигме склонения существительных ср. р, наиболее склонных к распространению в первом предударном слоге [а] во всех формах. Гласный [а] перед *е* (из *ь) при суджанском яканье иногда отмечается также в формах сравнительной степени прилагательных и наречий: *вр[’а]дн^{ей}*, *т[’а]пл^{ей}*, что, видимо, также объясняется грамматикой.

Как правило, в дальнейшем подобная система развивается за счет распространения [а] перед ударным *a*, находящимся после твердого согласного, то есть движется к умеренно-диссимильятивно-му яканью на суджанской основе. Новая система обычно сохраняет отдельные лексикализованные случаи произношения [и] перед *a*, а также однотипные реализации предударных гласных в мягкой и твердой разновидностях парадигм. Отдельные элементы ассимильятивно-диссимильятивного яканья кидусовского типа (то есть распространение гласного [а] перед 'а) отмечаются только в формах типа з[’а]мля́, где есть аналогия с твердой разновидностью (с[’а]стра́, в[’а]сна́), или в формах типа л[’а]тя́ть, появившихся под влиянием л[’а]ти́м, л[’а]ти́те, тогда как формы типа пять̀д[’и]ся́т, стр[’и]ля́л, р[’и]бя́та продолжают последовательно произноситься с гласным [и]. Об исконной архаической основе предударного вокализма может свидетельствовать произношение [и] перед *o* (из *o и *ь) в Р. п. местоимений типа егб́, а также в слове *свекрѡвь*, спорадически встречающееся в системах с умеренно-диссимильятивным яканьем (см., например, материалы С.И. Коткова по Орловским говорам [18, с. 72]).

В говорах с “наметившейся переходностью” процесс морфологического обобщения основ не успел получить широкого распространения. Поскольку стереотип произношения предударных гласных перед [о] разного происхождения еще не выработан, то употребление [и] перед любым мягким согласным становится универсальной закономерностью. В этом случае фонологические факторы оказываются сильнее грамматических и лексических, например, при варьировании *пл[’а]чо́ || пл[’и]чо́* или *з[’а]млѣй || з[’и]млѣй* вариант с гласным [и] становится основным. Распространение [и] в этой позиции свидетельствует о продуктивности новой фонологической зависимости.

Таким образом в тех говорах, которые наиболее последовательно сохраняют архаическую основу, то есть имеют максимальное количество произношений [и] перед *o* из *o и *ь, в результате действия тенденции к “умеренности” формируется особая разновидность вокализма, которую обычно называют дмитриевским (или дмитровским) типом диссимильятивного яканья, впервые обнаруженным в Курской обл. и отмеченным также на севере Белгородской обл. (см. карту на с. 24). Однако анализ системы предударного вокализма этих говоров показал, что дмитриевского диссимильятивного яканья как особой структурной модели не существует: это только подвид суджанского диссимильятивного яканья, в котором тенденция к унификации звукового оформления

парадигм лишь наметилась, но не получила широкого распространения. В этой системе вокализма предударные гласные не зависят непосредственно от качества ударного *o*, но реализуют эту связь частично, как модель произношения определенных слов и форм. Развитие подобной системы, опять-таки, не связано с сохранением /*o*/ и более ранней утратой /*ѣ*/, поскольку эта разновидность яканья появляется именно в результате утраты различия /*o*/ и /*o*/, /*ѣ*/ и /*e*/, то есть ее характерной чертой является наличие пяти гласных фонем.

Развитие тенденции к умеренности в этих говорах способствует распространению гласного [и] перед всеми ударными гласными неверхнего подъема, а также к появлению [и] перед *и* и *у*. Диссимильятивная основа говора, как правило, сохраняется довольно последовательно, примеры произношения [а] перед ударным *a* отмечаются лишь в отдельных формах. Как только тенденция к “умеренности” утрачивает позиционную прикрепленность к гласным среднего подъема и распространяется на другие позиции, на основе суджанского диссимильятивного яканья начинает формироваться диссимильятивно-умеренное яканье неархаического типа, сохраняющее характерные особенности своей основы – нерегулярное произношение [и] и [а] перед ударным *o*. Так, на западе Тульской области в говорах с диссимильятивно-умеренным яканьем неархаической разновидности фиксируются примеры типа: *св[’и]крѡвь* (наиболее часто), *б[’и]гѡм*, *в[’и]дрѡм*, *л[’и]сѡк* и т.д. (см. материалы ДАРЯ: Запад-652, Запад-731 и Запад-733⁶).

О тенденции к иканью в говорах с суджанским диссимильятивным яканьем свидетельствует произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в первом предударном слоге. Как правило, в частицах, предлогах и приставках, находящихся в позиции первого предударного слога, последовательно проводится принцип иканья (за исключением форм типа *н[’а]бѡсь* и *н[’а]мнѡго*, в которых произошло опрощение морфемной структуры). В говорах с щигровским типом диссимильятивного яканья, при котором отсутствует тенденция к “умеренности”, но последовательно проводится тенденция к унификации звукового оформления основ, обычно [а] распространяется не только перед *o* из *o и *ь, но также перед *e* из *e и *ь, то есть формируется новая модель – жиздринское диссимильятивное яканье.

⁶ Рукописные материалы “Диалектологического атласа русского языка” (хранятся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

Важно отметить, что на предударный гласный влияние оказывают не какие-то акустические характеристики мягкого согласного (например, его собственная длительность), а именно фонологическая модель: [и] произносится перед мягким согласным. Сам процесс изменения [а] в [и] при переходе от грамматической прикрепленности к фонологической зависимости при суджанском яканье нельзя представлять как цепь артикуляций с последовательным повышением подъема, каждая из которых была свойственна говору в какой-то момент времени: [а] → [æ] → [е] → [e^u] → [и]. Очевидно, что при появлении принципиально новой тенденции развития системы происходит замена одного звукотипа другим, вместо [а] сразу появляется [и], минуя все промежуточные ступени.

Существует несколько гипотез происхождения суджанского диссимилятивного яканья. Так, Н.Н. Дурново предполагал, что суджанское яканье развилось из обоянского в результате “изменения по аналогии”. Поскольку в говорах с диссимилятивным яканьем *ω* встречается приблизительно вдвое чаще, чем *o* из *ь, а *e* из *e и *ь – в полтора раза чаще, чем *ѣ*, то эти отношения в случае утраты семифонемного вокализма должны были вызвать стремление к распространению [а] перед *o* из *ь и “редуцированного” (то есть [и]) перед *ѣ* [1, вып. 2, с. 45–46]. Однако еще С.И. Котков упрекал Н.Н. Дурново в том, что тот подходил к языковым процессам столь “прямолинейно-арифметически”, поскольку количественное преобладание явления “еще не обеспечивает развития аналогии по его образцу” [18, с. 69]. Разумеется, унификация звукового состава основы происходит по аналогии с другими формами в парадигме, однако при отсутствии образца выравнивания не происходит, о чем, в частности, свидетельствует возможность сохранения [и] перед *o* из *ь и *o (несмотря на количественное преобладание случаев с [а] перед *o*). Против гипотезы Н.Н. Дурново свидетельствует также щигровский тип диссимилятивного яканья, который сохраняет корреляцию [а] – [и] перед *e* разного происхождения (при отсутствии реального противопоставления фонем /*e*/ и /*ѣ*/).

По мнению Р.И. Аванесова, суджанское диссимилятивное яканье образовалось в результате актуализации противопоставления ударных гласных по ряду: “гласные типа *e* и типа *o* – передние и задние”, поскольку исконные южнорусские говоры “не знали, видимо, изменения *e* в *o*”. В работе предложена следующая схема изменения: “обоянский и задонский типы → щигровский → суджанский” [6, с. 38].

Позже Р.И. Аванесов предположил, что различия между архаическими, щигровским и суджанским типами диссимилятивного яканья “обусловлены особенностями системы ударного вокализма в эпоху, предшествующую образованию диссимилятивного яканья”. Процесс становления этих типов яканья “имел место в говорах, отличающихся по системе своего ударного вокализма” [2, с. 226].

Однако оба предположения Р.И. Аванесова недостаточно убедительны. Во-первых, при суджанском яканье выбор звукотипа уже не связан с качеством ударного гласного среднего подъема – поэтому предполагать для этой позиции актуализацию противопоставления ударных гласных по ряду не целесообразно. Появление в первом предударном слоге гласных [а] или [и] зависит от мягкости следующего согласного, а также от произносительных особенностей различных форм и лексем.

Во-вторых, гипотеза о параллельном развитии задонского, обоянского, щигровского и суджанского типов яканья также не подтверждается языковым материалом: щигровский и суджанский типы яканья практически всегда имеют примеры, свидетельствующие об исконной архаической основе вокализма. К.Ф. Захарова на материале “Диалектологического атласа русского языка” доказала, что существующие сегодня щигровский и суджанский типы яканья образовались на основе обоянской разновидности диссимилятивного яканья в результате утраты под ударением семифонемного вокализма. Гласный [а] перед ударным *o* из *o и *ь вытеснял [и] “путем морфологического обобщения основ слов с гласным *a* или путем фонологического переосмысления слов с неподвижным ударением на основе” [3, с. 17–21].

Г.А. Хабургаев, так же как и Р.И. Аванесов, объяснял появление суджанского яканья особенностями ударного вокализма. По его мнению, рефлекс распределения звуков [и] и [а] перед ударным *o* из *ь (*o) и *ω и однотипные закономерности произношения гласных перед ударным *e* разного происхождения свидетельствуют о том, что в этих говорах *ѣ* утрачивался раньше, чем *ω*. Формирование суджанского диссимилятивного яканья было фонологически закономерным и обусловлено наличием в говорах шестифонемной системы вокализма с четырьмя фонемами неверхнего подъема: /*e*/, /*ω*/, /*o*/ и /*a*/ [19, с. 75].

Следует возразить, что наличие рефлексов противопоставления предударных гласных перед *o* в зависимости от происхождения и их отсутствие перед *e* из *e (*ь) и *ь при суджанском яканье не

Гласные под ударением	а	о	ω	ы	у	а	о	е	ѣ	и	у
	Перед твердыми согласными					Перед мягкими согласными					
Типы предупредного вокализма	Перед твердыми согласными					Перед мягкими согласными					
Диссимильятивное яканье Обоянского типа	и		а			и			а		
Диссимильятивное яканье Дмитриевского типа	и		а			и				а	
Диссимильятивное яканье Суджанского типа с “наметившейся переходностью”	и	и (а)	а			и				а	
Диссимильятивное яканье Суджанского типа с “развитой переходностью”	и	а (и)	а			и	и (а)	и		а	
Диссимильятивно-умеренное яканье неархаического типа	и	а (и)	а			и					
Умеренно-диссимильятивное яканье Суджанского типа	а (и)	а				и	и (а)	и		а	

связаны с тем, что в этих говорах ѣ утрачивался раньше, чем ω⁷. Это лишь доказывает, что действие морфологических факторов всегда ограничено лексическими или грамматическими позициями и что в механизм подобного развития системы заложена возможность выпадения из этого процесса каких-то слов или классов слов, в которых по ряду причин распространяется другой гласный основы. Фонологический фактор практически не знает исключений, а при условии отсутствия грамматикализации предупредного гласного перед е и ѣ, гласный [и] распространяется при суджанском яканье в этой позиции повсеместно.

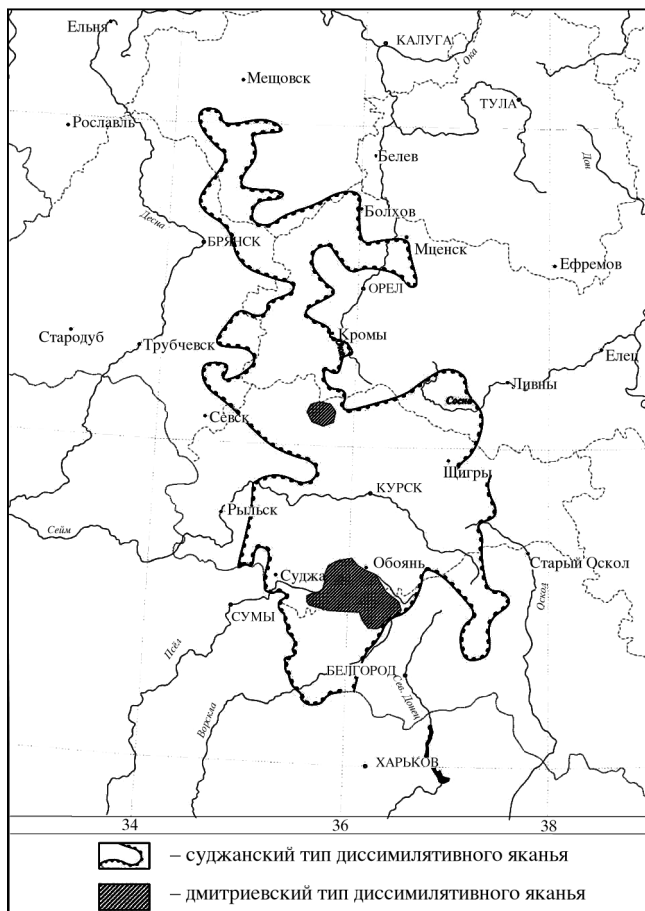
Образование суджанского яканья связал с особенностями ударных гласных и С.В. Князев. Наиболее архаичным типом аканья С.В. Князев считает “недиссимильятивное аканье в широком смысле – с нейтрализацией фонем неверхнего подъема в звуках типа [ѣ] после твердых согласных и типа [ь] или краткого [и] после мягких”. Суджанский тип яканья развился на его основе в результате обобщения как долгих всех ударных нелабиализованных гласных неверхнего подъема.

⁷ В ряде южнорусских говоров ѣ действительно утрачивается раньше, чем ω. Так, в говорах севера Белгородской обл. с щигровским диссимильятивным яканьем спорадически отмечаются рефлексы различия /о/ и /ω/, но отсутствуют – /е/ и /ѣ/ (подробнее см. [20]).

Произношение [и] в положении перед ударным гласным, находящимся после мягкого согласного, и [а] – перед гласным того же подъема, находящимся после твердого согласного, объясняется большей длительностью гласного после мягкого согласного “вследствие наличия при их произнесении [и]-образного переходного участка” [21, с. 28–29].

Это обоснование образования суджанского диссимильятивного яканья также не может быть признано корректным. Каждый гласный имеет собственную длительность, которая незначительно варьирует от твердости / мягкости предыдущего согласного. Этот признак является условным, поскольку мягкость согласного не провоцирует появление долгого гласного, но лишь определяет акустические особенности определенного гласного в конкретной позиции. Против этого предположения также свидетельствуют примеры типа б[’и]льмó или с[’и]дьмóй, где [и] произносится перед мягким согласным, а ударный гласный находится после твердого согласного. Данные Л.В. Щербы свидетельствуют о том, что и в литературном языке длительность ударных гласных прежде всего зависит от правого контекста: наименьшая длительность в позиции перед глухими смычными согласными и наибольшая – в абсолютном исходе слова [22, с. 128–129].

Ареалы суджанского и дмитриевского типов диссимильативного яканья в южнорусских говорах (по данным Диалектологического атласа русского языка)

Кроме того, не только [e], но и [o] является неоднородным по тембру, поскольку имеет у-образный начальный элемент [23, с. 100–101]. Однако эти гласные обычно воспринимаются как монофтонги, поскольку их начальные переходные элементы достаточно кратки. Значимая длительность и-образного элемента в южнорусских говорах наблюдается у дифтонгов, реализующих фонему /ѣ/ [9, с. 382–383]. Однако суджанское диссимильативное яканье практически всегда сочетается с пятифонемным вокализмом литературного типа и сформировалось именно благодаря утрате различия /e/ – /ѣ/ и /o/ – /ѡ/. Очевидно, что большая длительность гласного после мягкого согласного не может быть критически значимым для формирования принципиально новой системы зависимости, которая наблюдается при суджанском диссимильативном яканье.

После твердых согласных, так же как и после мягких при суджанском яканье, стереотип произношения гласного перед ударным *o* может находиться лишь в стадии формирования. Именно для

подобных говоров с “наметившейся переходностью” диссимильативного яканья суджанского типа характерен особый тип аканья, впервые отмеченный Т.Ю. Строгановой на севере Белгородской обл. и названный по району фиксации прохоровским типом диссимильативного аканья. Анализ говоров с этим типом вокализма свидетельствует о том, что гласные типа [э] и [а̣] произносятся перед ударными *a* и *o* любого происхождения (несколько чаще перед *o* из *o и *ъ); перед *e* подобные примеры отмечаются значительно реже. Однако гласный не-[а] последовательно употребляется только в позиции перед ударным *a*, а перед *o* звуки [э] и [а̣] – лишь возможные варианты наряду с более часто встречающимся [a].

По-видимому, прохоровское аканье, так же как и суджанское яканье, может быть представлено несколькими разновидностями. Например, в с. Писколово и д. Кораблёво Еткульского р-на Челябинской обл. также обнаружено суджанское диссимильативное яканье. Предки современных носителей говора переселились на Южный Урал в 20-х годах XIX века из Курского, Тимского и Щигровского уездов Курской губернии, говор этих населенных пунктов однороден и хорошо сохраняет свою южнорусскую основу. Параллельно с суджанским диссимильативным яканьем в говоре отмечено диссимильативное аканье, которое допускает возможность произношения не-[а] не только перед *a*, но и перед *e* (перед *o* звуки [э] и [а̣] зафиксированы только в слове *потом*, которое отмечается с гласным [э] также во многих других системах вокализма и потому непоказательно) [24, с. 74–77].

Данный тип аканья свидетельствует о былом распространении в говоре архаического вокализма, отойдя от которого система еще не выработала произносительную модель. При этом диссимильативная основа аканья последовательно сохраняется. Нельзя согласиться с мнением, что наличие в системе диссимильативного яканья гласного [а̣] в позиции перед ударным *a* само по себе свидетельствует об осязательном ослаблении диссимильативного принципа вокализма [24, с. 79]. Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что подобный тип вокализма отмечается во многих диалектных системах, проводится довольно последовательно и сохраняется стабильно. Кроме того, произношение перед одним и тем же гласным [a] звуков [э], [а̣], [a] в говорах с диссимильативным яканьем может быть позиционно обусловлено просодическими условиями [25, с. 118–119].

Таким образом, южнорусские говоры с суджанским диссимильативным яканьем показывают ло-

гику развития архаического вокализма и представляют основные факторы, способствующие этому развитию. Аканье и яканье в исследуемых говорах имеют очень похожие закономерности произношения, что свидетельствует скорее об общей фонетической основе их исходного типа вокализма, нежели о единстве последующих изменений. Их общая судьба – утрата былой фонетической зависимости от семифонемного вокализма и разрушение позиционного чередования, определяет общую динамику и направление развития – поиск нового произносительного стереотипа перед гласными среднего ряда, формирование новой модели предупредительного вокализма. Рассматривая то многообразие разновидностей, которое представляет суджанское диссимилятивное яканье, было бы уместнее говорить не об общности формирования этого типа вокализма в различных южнорусских говорах, но о параллельном развитии, которое обусловлено общей исходной точкой – структурой архаического типа вокализма, а также действием сходных тенденций. Однако в процессе взаимодействия эти факторы приводят к различным результатам, что способствует развитию новых закономерностей и формированию систем, отличающихся друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурново Н.Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917. Вып. 2. Шамордино, 1917.
2. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
3. Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
4. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под. ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 1999.
5. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
6. Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.
7. Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Под. ред. Л.Л. Касаткина. М., 1995.
8. Касаткина Р.Ф., Савинов Д.М. Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. V / Под. ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 2007.
9. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
10. Захарова К.Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2.
11. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под. ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.
12. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
13. Захарова К.Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959.
14. Shevelov G.Y. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.
15. Петерсон М.Н. Говор села Дорофеева, Московской области, Орехово-Зуевского района (б. Рязанской губ., Егорьевского у.) // Труды МИФЛИ. Т. V. М., 1939.
16. Савинов Д.М. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002.
17. Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
18. Котков С.И. Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. V. Кафедра русского языка. Вып. 2. Орел, 1951.
19. Хабургаев Г.А. Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е.В. Немченко. М., 1975.
20. Корпечкова Е.В. Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской области // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19).
21. Нязев С.В. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.
22. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. CVII). СПб., 1912.
23. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
24. Иванченко Р.Д. Характер аканья в курском говоре на территории Южного Урала // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Вып. IV / Отв. ред. Л.А. Глинкина. Челябинск, 1971.
25. Касаткин Л.Л. Русский говор села Татарница в Болгарии // Русские старообрядцы: Язык, культура, история / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008.